

блемы в этих отношениях могут решаться и решаются политическими средствами на взаимоприемлемой компромиссной основе. Для этого есть правовая база и накоплен значительный опыт.

Шанхайская организация сотрудничества при умелой реализации ее политического и экономического потенциала может стать мощным международным центром силы, что полностью укладывается в концепцию многополярного мира, которую последовательно отстаивают Россия и Китай. Вместе с тем мы считаем, что развитие многостороннего сотрудничества членов ШОС будет вестись параллельно с развитием двухсторонних связей. Развитие российско-китайского сотрудничества и взаимодействия с другими государствами — членами ШОС будет способствовать планомерному расширению многостороннего сотрудничества в рамках ШОС.

* * *

1. Куртов А. Проблемы обеспечения водой государств Центральной Азии: Позиция Кыргызстана // <http://www.ca-c.org/journal/2004-06-rus/14.kurprimru.shtml>.

2. Джекшенкулов А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М.: Научная книга, 2000. С. 86.

3. Водные проблемы Центральной Азии / Под ред. К.Л. Валентини и др. Бишкек, 2004. С. 82.

4. Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации. Минобороны РФ, 2003.

Е.А. Серебряков

ПАМЯТНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА КИТАЯ И ДУХОВНЫЙ МИР МОЛОДОГО КИТАЙСТА И ЭТНОГРАФА

В 1957 г. после окончания учебы на кафедре истории стран Дальнего Востока Восточного факультета Ленинградского государственного университета Александр Михайлович Решетов был направлен в Пекин для освоения четырехлетнего курса в Центральном институте национальных меньшинств. Перед одаренным, образованным и пытливым молодым человеком предстала жизнь китайцев, которые недавно создали Китайскую Народную Республику и впервые после почти двенадцати военных лет в мирных условиях стали заниматься созидательным трудом. О многом А.М. Решетов читал и слышал от своих преподавателей и китайских друзей, но теперь собственными глазами увидел происходящие в стране перемены. С увлекательными картинами трудовых занятий и бытового уклада органично сочетались зримые приметы духовного мира китайцев, в ко-

тором с глубокой древности царил культ самобытного и выразительного слова. До XX в. поэтов зачастую обожествляли, в их честь возводили храмы, куда шли люди выразить уважение уму и таланту. В XX в. лучшие литераторы вели поучительный поиск нравственных и эстетических ориентиров, путей к социальной справедливости и процветанию страны.

Встречи с памятными литературными местами знакомили молодого китаиста с замечательными людьми разных эпох, своими деяниями и художественными произведениями формировавшими культурную традицию и эстетические пристрастия китайцев. Прежде всего, произошло знакомство А.М. Решетова в Пекине с местами, хранящими память об основоположнике новейшей литературы Китая Лу Синем (1881–1936). Имя великого писателя было хорошо известно А.М. Решетову, поскольку в Советском Союзе к его творчеству еще с 1920-х годов проявлялся особый интерес. Будучи студентом Восточного факультета, А.М. Решетов слышал рассказ о видном переводчике русской литературы на китайский язык Цао Цзин-хуа (1897–1987), который в 1928–1933 годах преподавал в Ленинградском университете. Он сыграл определенную роль в ознакомлении русского читателя с произведениями Лу Синя. В 1925 г. Цао Цзин-хуа вместе с командированным профессором ЛГУ Б.А. Васильевым (1899–1937) был переводчиком советской военной делегации и порекомендовал русскому другу лусиневскую повесть «Подлинная история А-Кью». Через несколько дней Б.А. Васильев встретил Цао Цзин-хуа восклицанием: «Это замечательное произведение! Ее автор — писатель мирового масштаба!». Б.А. Васильев взялся за перевод повести и при посредничестве Цао Цзин-хуа установил связь с Лу Синем и попросил его написать предисловие к русскому изданию. Писатель откликнулся словами: «Я испытал глубокую радость, когда узнал, что моя повесть “Подлинная история А-Кью” будет напечатана на русском языке». После образования КНР в Советском Союзе обострилась потребность познакомиться с жизнью и творчеством великого писателя и тем самым лучше понять своеобразие культуры и литературы Китая XX в. При посещении музея А.М. Решетов смог увидеть, в какой обстановке работал писатель над своими произведениями. В самом Пекине, а особенно в его окрестностях, в те годы еще много оставалось примет старого Китая, и перед глазами молодого китаиста оживали типажи, представляли подробности и детали быта, изображенные в художественной прозе Лу Синя. Совсем недавно в библиотеке Восточного факультета студент А.М. Решетов вчитывался в страницы «Собрания сочинений» Лу Синя, изданного в Москве в 1954–1956 годах в четырех томах, и восхищался чувством любви автора к родной земле.

Музей официально был открыт 19 октября 1956 г. в двадцатую годовщину со дня смерти Лу Синя в его доме в переулке Сисаньтао в западной части Пекина. С благоговением А.М. Решетов смотрел на коллекцию из более тринадцати тысяч книг, собранных великим писателем. Ведь А.М. Решетов с юных лет любил книгу. Пройдут годы, и в Ленинграде он заполнит свою однокомнатную квартиру разнообразными изданиями памятников и исследований на русском, китайском и других языках. Сотрудник музея рассказал, что Лу Синь придавал огромное значение русской литературе для создания новой литературы Китая и укрепления национального самосознания соотечественников. А.М. Решетов сразу же откликнулся репликой и сообщил, что в руках своих друзей — китайских студентов, обучающихся в Ленинградском университете, — он нередко видел переводы русских классиков и советских писателей на китайский язык. Музейный работник рассказал, что в доме Лу Синя на стеклянной веранде, прозванной писателем «хвост тигра» и приспособленной под кабинет, собирались студенты, приносившие рукописи своих переводов с русского языка. Осенью 1925 г. Лу Синь вместе с молодыми переводчиками Цао Цзин-хуа, Вэй Су-юанем, Ли Цзи-е, Вэй Цун-у и Тай Цзин-нуном создали общество «Без названия», которому в трудных политических условиях удалось выпустить более двадцати книг переводов, среди них «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Бедные люди» Достоевского, «Шинель» Гоголя, пьесы Чехова «Три сестры», «Медведь», «Предложение», повесть Лавренева «Сорок первый», сборник «Трубка», содержащий рассказы Эренбурга, Вс. Иванова, Неверова, Сейфуллиной и других. В музее были представлены и лусиневские переводы «Мертвых душ» Гоголя, повестей и рассказов Чехова, Леонида Андреева, Гаршина, Арцыбашева, романа «Разгром» Фадеева и повести «Октябрь» Яковлева. Лу Синь признавался: «Я чувствую, что русская культура богаче, чем какая-либо другая иностранная культура. Между Китаем и Россией существует какая-то связь, их культура и история имеют нечто общее. Чехов — автор, которого я люблю больше других. Кроме того, мне особенно нравятся Гоголь, Тургенев, Достоевский, Горький, Андреев».

В гости к Лу Синю приходили и студентки Женского Педагогического института, где с 1923 г. писатель читал курс по истории китайской литературы. Девушек волновали вопросы: к чему стремиться, каким социальным и нравственным идеалам следовать. В деле преобразования Китая Лу Синь всегда связывал надежды с молодежью, к ней обращал свой призыв: «Если в мире еще есть люди, которые действительно хотят жить, они не должны бояться говорить, смеяться, плакать, гневаться, ругаться, драться, чтобы на этой проклятой земле покончить с проклятой эпохой». Писатель отнюдь не

был всезнающим наставником, излагающим непреложные истины, он делился своим нелегким жизненным опытом, результатами своих духовных исканий. С декабря 1924 г. по январь 1926 г. в журнале «Юйсы» («Нити слов») публиковались стихотворения в прозе, которые в июле 1927 г. вышли отдельным изданием под названием «Дикие травы». Этот сборник изумляет правдивой и искренней исповедью автора, беспощадным анализом своих переживаний и душевных противоречий.

А.М. Решетов слушал работника музея и вспоминал одного из талантливых преподавателей Восточного факультета В.В. Петрова, который в те годы напряженно работал над объемной монографией «Лу Синь. Очерк жизни и творчества», затем изданной в Москве в 1960 г. До А.М. Решетова словно доносился голос уважаемого лектора: «В этой книге раскрыт мир раздумий, исканий, сомнений писателя, отраженные не только уже сложившиеся идеалы и убеждения Лу Синя, но и сама работа его мысли, формирование новых взглядов, преодоление старых». В сборнике присутствуют пессимизм, боль одиночества, даже отчаяние, но побеждают в душе писателя мужество и надежда на поражение сил зла. Книга завершается эссе «Пробуждение» с признанием: «Да, юные души стоят передо мною, они уже огрубели или, может быть, готовы огрубеть, но я люблю эти души, проливающие кровь и переносящие мучения, потому что они заставляют меня осознавать, что я живу среди людей, именно среди людей».

Глядя в музее Лу Синя на старинные фотографии городской и деревенской жизни старого Китая, на внешний облик китайцев, всматриваясь в иллюстрации к правдивой прозе писателя, А.М. Решетов вновь и вновь размышлял о верности и плодотворности научного метода российских востоковедов, заключавшегося в принципе историзма — в необходимости при анализе и оценках исторических и культурных процессов в странах Востока учитывать национальные особенности и характерные черты эпохи, объективное содержание жизни народа в определенное время. В памяти А.М. Решетова вставали семинарские занятия по историографии Китая, на которых ему довелось делать доклады о работах американских авторов, продолжавших и в то десятилетие объяснять размах освободительного движения в Китае «заговором Кремля». Во время пребывания в КНР А.М. Решетов находил, в частности, в художественном и публицистическом наследии Лу Синя много доказательств того, что только в национально-освободительной борьбе Китай мог спастись от угрозы полной утраты свободы и независимости, от вымирания населения в нищете и невежестве. В окрестностях музея Лу Синя, в старом переулке, учащиеся из Советского Союза могли представить, каким был город при великом писателе. Темно, с обеих сторон, чуть ли не

касаясь прохожих, поднимаются серые глинобитные стены. Ни огонька, лишь глина да дерево плотно закрытых дверей. В ночь страшной реакции Лу Синь сумел увидеть, что за этими стенами глест недовольство, готовое вот-вот вспыхнуть огнем очистительных перемен. В условиях террора и жесточайшей цензуры Лу Синь вел публицистическую деятельность, занимался переводами, объединял передовых писателей на сопротивление реакции и фашизму. 18 марта 1926 г. в Пекине по приказу ставленника японских захватчиков, милитариста Дуань Ци-жуя была расстреляна мирная демонстрация. Среди сорока девяти погибших были студентки Лу Синя. Несколько дней спустя он писал: «В прошлом году я впервые увидел своими глазами, как организуются китайки, и хотя таких девушек немного, я не раз восхищался их деловитостью, упорством, стойкостью, решимостью. А в тот день помощь их друг другу под обстрелом, самоотверженная гибель еще раз доказали, что ни коварные замыслы, ни тысячелетний гнет не смогли поколебать смелости и решительности китайских женщин. Вот в чем значение этой расправы для будущего. И если в следах запекшейся крови живые увидят хоть проблеск надежды, то подлинные герои пойдут вперед еще с большей отвагой».

Лу Синю пришлось терять немало молодых друзей. В ночь с 7 на 8 февраля 1931 г. в пригороде Шанхая были расстреляны двадцать три революционера, среди которых находились пятеро молодых писателей. В нелегальном журнале «Авангард», специально посвященном трагическому событию, Лу Синь заявлял: «В тяжком горе почтим мы вечную память павших в строю и крепко запомним, что первая страница истории революционной пролетарской литературы Китая написана кровью наших товарищей. Она заклеимила навеки подлость и преступность наших врагов и научила нас вести неустанную борьбу».

В музее Лу Синя со стенда глядело лицо Цюй Цю-бо (1899–1935), знатока и переводчика русской литературы, много помогавшего писателю в подготовке и издании русских авторов. Видный коммунист, он был расстрелян 18 июня 1935 г.

Соприкосновение с жизнью Лу Синя, с судьбой его учеников и сподвижников, с историческими событиями тех десятилетий побуждало молодого китаеведа еще лучше познать прошлое и настоящее китайского народа. А.М. Решетов уже видел свое жизненное предназначение в профессиональных этнографических занятиях и потому дополнительное подтверждение целесообразности и актуальности подобной деятельности находил в словах Лу Синя: «Без проникновения в толщу народную, без изучения привычек и понятий народа, без анализа в них хороших и плохих явлений, без выработки критерия, что следует сохранить, а что уничтожить, и тщательного

отбора средств как для сохранения, так и для уничтожения любая реформа окажется раздавленной лавиной обычаев».

После посещения музея Лу Синя чешские учащиеся вспоминали статью, которую писатель в июне 1936 г. написал в связи с выходом первого перевода на чешский язык его рассказов. В ней есть запоминающиеся слова: «Самое лучшее для людей, когда они не разобщены, когда они интересуются друг другом. А самый надежный путь к этому — литература и искусство, жаль, что до сих пор по этому пути шло слишком мало людей».

В студенческие годы А.М. Решетов на себе испытал благотворное воздействие искусства на личность человека, и потому в его сердце находила самый живой отклик вера китайского писателя в художественную классику и искусство как средство духовного возрождения в мире. После возвращения из КНР он стал принимать самое деятельное участие в работе Ленинградского отделения Общества советско-китайской дружбы, выступал перед общественностью и китайскими учащимися с докладами, как член общества «Знание» читал в разных районах страны лекции о положении в Китае, о китайской культуре. При встречах китайских делегаций в Обществе дружбы на А.М. Решетова неизменно возлагалась важная обязанность сопровождать гостей в знаменитые театры нашего города. С особым удовольствием и искусствоведческими знаниями он вел беседы на спектаклях Мариинского театра, со студенческих лет был в нем частым зрителем. В 1959 г. руководитель Кировского театра народный артист Советского Союза Константин Михайлович Сергеев привез в Пекин балет «Тропой грома», поставленный им в Большом театре. Выступления Сергеева на сцене и на стадионе имели у китайского зрителя колоссальный успех. Китаист и балетоман А.М. Решетов постоянно помогал Сергееву во встречах с китайскими коллегами и сопровождал в прогулках по Пекину. В Ленинграде А.М. Решетов познакомился с выдающейся балериной, примой Кировского театра Натальей Михайловной Дудинской, стал желанным гостем этой знаменитой семьи, и вся ее яркая жизнь в искусстве проходила на его глазах.

В 1958 г. в жизни А.М. Решетова случилось знаменательное событие: в августе он отправился в шестимесячное путешествие по многим районам страны. В период династии Тан (VII–X вв.), отмеченный небывалым расцветом Китая, в обществе утвердился обычай: молодые люди до сдачи чиновничьих экзаменов, открывавших дорогу к высокому государственному служению, непременно совершали длительную поездку по Поднебесной, чтоб познакомиться с неписанной летописью страны — с памятниками старины и устными преданиями, узнать о людях прошлых веков, отличавшихся эрудицией и удивительной судьбой, почувствовать красоту родной зем-

ли. В 1958 г. в Москве был опубликован путевой дневник 1907-го г. академика В.М. Алексеева «В старом Китае», который А.М. Решетов купил в Пекине и до сих пор хранит. А.М. Решетов и его ближайшие друзья Аким Торопов и Владимир Гусаров, учившиеся в Пекинском университете, считали дневник наиболее содержательным и серьезным описанием нравов и традиций китайского народа, вновь и вновь к нему обращались. Академик рассуждал: «Путешествие — это книга. Умеет ее читать только тот, кто умеет читать между строк наблюдаемую жизнь». И еще говорил: «От неумелого, неуклюжего соприкосновения происходят беды, недоразумения и всяческие неудачи. Надо уметь наблюдать человечество, независимо от шаблонных вкусов и понятий, привитых средой. Нужно быть любознательным, интересоваться чужим (а это не все могут). Не считать свое наилучшим и единственно достойным внимания». А.М. Решетов был прекрасно подготовлен к путешествию: пятилетний университетский курс на Восточном факультете дал ему отличные знания Китая и китайского языка, огромную пользу принесли учеба в Центральном институте национальных меньшинств и жизнь в Пекине.

Незачем говорить, что советский китаист и этнограф с любовью и уважением относился к Китаю, его жителям, китайской культуре, что неизменно вызывало у китайцев доброжелательное к нему отношение. Прежде всего А.М. Решетов оказался в городе Сиани, который в давние века именовался Чанъанью и был столицей танской империи. Этот город, естественно, вошел в судьбу и творчество многих замечательных литераторов, ведь эпоха Тан — признанный золотой век поэзии Китая. До наших дней дошли имена более двух тысяч двухсот поэтов и свыше пятидесяти тысяч их стихотворений. В дневнике В.М. Алексеева запомнились слова: «Ли Бо — зенит китайской поэзии, поэт-пророк, величайший мастер слова, национальный колосс. В огромном и ярком потоке поэзии этот гений выразил все бесконечное богатство народного духа и всю беспредельную сложность литературной традиции».

Для А.М. Решетова и его друзей Акима и Владимира учеба в Китае, конечно, была счастливым подарком судьбы, но иногда в вечернюю пору их охватывала тоска по родной стране, по близким. И тогда часто по-китайски и в русском переводе звучало знаменитое четверостишие Ли Бо (701–762) «Думы тихой ночью», которое китайцы с детских лет знают наизусть. «У самой моей постели / Легла от луны дорожка. // А может быть, это иней? — / Я сам хорошо не знаю. // Я голову поднимаю — / Гляжу на луну в окошко. // Я голову опускаю — / И родину вспоминаю» (Пер. Александра Гитовича).

В Чанъани друзья прозвали Ли Бо «сосланным на землю небожителем». За два года он своим удивительным даром покори́л им-

ператора и его окружение, многих столичных ученых мужей, но затем зависть и клевета, преследования за независимое поведение и обостренное чувство собственного достоинства сделали невыносимой жизнь в Чанъани, и он навсегда покинул столицу.

Лет десять в Чанъани находился другой великий — Ду Фу (712–770), связанный с Ли Бо тесной дружбой. Он мечтал «наставлять императора на путь легендарных императоров Яо и Шуня», чье правление, по преданию, отличалось заботой о стране и ее населении. Признания у властей поэт не нашел, его жизнь была нелегкой, однако он сохранял гуманное отношение к своим соотечественникам. Однажды Ду Фу из столицы приехал в деревню к своей семье и узнал, что его маленький сынишка умер от голода. Велико было горе отца, но даже в этот момент Ду Фу не забыл о муках простого люда. Ведь поэта не изнуряли жестокими поборами, не гнали на войну. «И если так горька моя дорога, // То как же бедствовал простой народ? // Когда о нем помыслил поневоле // И о солдатах павших на войне, — // Предела нет моей жестокой боли, // Ее вовеки не измерить мне!».

В памяти А.М. Решетова всплывал голос известного ленинградского поэта и переводчика китайской поэзии Александра Гитовича, выступавшего в Доме писателей в Ленинграде на частых литературных вечерах, посвященных выдающимся мастерам слова Китая. Тогда некоторые писатели спрашивали: «Неужели Ду Фу обогнал время и уже в VIII в. так проникновенно писал о народе? Не осовременил ли переводчик старинные стихи?». Присутствующие китайцы разъясняли, что все дело в основах традиционного мировоззрения китайцев. Ду Фу и другие китайские авторы были знатоками древнего конфуцианства, которое еще на рубеже VI–V вв. до н.э. учило: «Народ есть корень-основа государства, если корень крепок, то государство в спокойствии». А.М. Решетову запомнилось старинное образное суждение, отлично воспроизводящее представления китайцев о взаимоотношениях между властью и подданными: «Народ как полноводная река, а правители словно лодка. Вода может нести на себе лодку, но может и опрокинуть».

В окрестностях Сиани сохранился мост, возведенный в 138 г. до н.э. Однажды Ду Фу в этом месте довелось увидеть прощание с солдатами, уходившими на войну. Потрясенный поэт в «Песне о боевых колесницах» бросил слова упрека: «Стон стоит на просторах Китая. // А зачем императору надо // Жить, границы страны расширяя // Мы и так не страна, а громада». Через этот мост вела дорога в дальние пограничные края, и обычно ученые мужи здесь прощались со своими друзьями. Среди множества прощальных произведений особой известностью пользуется стихотворение знаменитого Ван Вэя (701–761) «Провожая Юаня Второго, назначенного в Аньси (Вэйчэнский мотив)».

А.М. Решетову предстояла поездка в западную провинцию Сычуань. За окном вагона он видел опасные горы и глубокие ущелья, по которым еще совсем недавно проходил путь в Сычуань. В одном из лучших стихотворений «Трудны дороги в Шу» (так издревле называли земли Сычуани) Ли Бо воссоздавал суровый пейзаж: «Так тоскливо в пустынных горах! // Страшно здесь, побледнеет любой, кто б он ни был, // Легче к небу взойти, чем до Шу по дорогам добраться. // Горы цепью встают, и осталось лишь метр до неба, // Над обрывом засохла сосна и готова сорваться, // Водопад исступленно ворочает камни и пеной окутан, // И над сотней ущелий разносится яростный вой» (пер. С.А. Торошцева). Глядя на проносящиеся за окном картины, А.М. Решетов хорошо представлял, какие муки выпали на долю Ду Фу, его жены и малолетних детей, убежавших от военных беспорядков, учиненных в центральных районах мятежными генералами и отрядами иноземцев.

В Чэнду китаеведа вновь ждала встреча с почитаемыми китайцами местами. В западной части города на берегу ручья Хуаньхуаси находится мемориал, включающий храм в честь Ду Фу, тростниковую хижину, воспроизводящую прежнее жилище поэта, его беседку. Там же выстроены музейные павильоны, хранящие картины по мотивам стихотворений поэта. В зале, где представлены многочисленные издания произведений Ду Фу в Китае и других странах, А.М. Решетов с удовольствием указал своим китайским спутникам на изданные в Москве сборник «Ду Фу. Стихи» (1955) и критико-биографический очерк «Ду Фу» (1958) как свидетельство того, что в Советском Союзе у великого китайского поэта есть свои читатели и почитатели. В написанной во время скитаний по западным районам «Песне о хлебе и шелковичных червях» звучит близкая советским людям тема — осуждение войны и воспевание мирного труда. «О, если б переплавить мы могли // Доспехи на орудии труда, // Чтоб каждый дюйм заброшенной земли // Перепахать. И было б так всегда. // Чтобы крестьянин сеял в добрый час // И шелководством занялся опять; // Чтоб патриоту, как теперь у нас, // Не надо было слезы проливать» (пер. А. Гитовича). При посещении памятных мест, связанных с именами выдающихся литераторов Китая, А.М. Решетову еще ближе стали их высокий гуманизм и вера в непреходящую ценность нравственных начал.

Перед путешествием А.М. Решетов тесно подружился с крупным этнографом Николаем Николаевичем Чебоксаровым, читавшим курс лекций в Пекине, и его женой Ириной Абрамовной. В их номере в гостинице «Дружба» нередко собирались молодые китайцы и этнографы, делали научные сообщения, делились наблюдениями над жизненным укладом китайцев, результатами этнографических и археологических экспедиций. Беседы с Н.Н. Чебоксаровым и про-

фессорами Центрального института национальных меньшинств убедили А.М. Решетова в необходимости прежде всего обратиться к изучению национальных меньшинств Юго-Западного Китая.

А.М. Решетову удалось за три месяца объездить разные районы провинции Гуйчжоу, где издревле обитали аборигенные племена и процесс упрочения власти китайцев завершился лишь в XV в. К приезду А.М. Решетова в Гуйчжоу около 75 % населения составляли китайцы. Остальными жителями были народности мяо, ицзу, чжуан, буи, дун, яо, бай, шуй, гэлао. Естественно, главное внимание А.М. Решетов уделял особенностям быта и традиционной культуры этнических групп, но он не упускал из виду и данные о прошлом китайцев. Так, в полутора километров к северу от г. Сюэнь в горах Лунганшань находится пещера Ян-мина, ставшая одной из достопримечательностей Гуйчжоу. Названа она по прозвищу известного философа, автора прозы и стихов Ван Шоу-жэня (1472–1528), который в 1506 г. за осуждение действий всемогущего и самодурствующего евнуха Лю Иня (?–1510) был сослан в Гуйчжоу. Любимым и часто посещаемым местом Ван Ян-мином стала эта большая пещера, в которой могло помещаться более ста человек. Здесь он обращался к своим последователям. Со времен периода правления под девизом Цзяцзин (1522–1566) начали в окрестностях Сюэня возводить в честь Ван Ян-мина кумирню, беседку, книгохранилище.

В тогдашней идеологической обстановке собеседники А.М. Решетова сдержанно относились к философии мыслителя, но признавали, что в годы трудного сближения китайцев с местными народностями полезной была установка Ван Ян-мина на необходимость «смотреть на Поднебесную как на одну семью, а на Срединное государство — как на одного человека. Те, кто различает телесные формы и разграничивает себя и других, — низкие люди». За восточными городскими воротами провинциального центра Гуйяна находятся славящиеся своей красотой горы Фуфэншань, где расположен храм, построенный в конце XVII в. На стенах галереи имеются каллиграфически выполненные тексты Ван Ян-мина, поэта и прозаика Юань Мэя (1716–1798), честного чиновника и поэта Хэ Шаоци (1799–1873).

Китайские друзья на встречах с советским гостем любили угощать его знаменитой на всю страну водкой маотай, производимой только в Гуйчжоу в селении на берегу р. Чишуйхэ в уезде Жэньхуай. При этом, как водится, присутствующие вспоминали литературные имена. Они вспоминали уроженца уезда Душань пров. Гуйчжоу Мо Ю-чжи (1811–1871), который был известен эрудицией, отказывался от лестных предложений на службу, написал много стихотворений и произведений изящной прозы. С особым чувством говорили об Юань Мэе, который исповедовал принцип: «Поэзия есть сво-

бодное выражение природного характера и естественных чувств». Он утверждал: «Если у человека нет своего “я”, то это марионетка». Свободолюбие, юмор и жизнелюбие сделали его стихи популярными. Известен и его сборник прозы «О чем не говорил Конфуций».

Место действия в рассказах о сверхъестественном иногда находится в провинции Гуйчжоу, и один из новых знакомых А.М. Решетова в качестве примера народных верований привел историю о том, как в округе Дадин корова, которую вели на бойню, вырвалась и опустилась перед правителем округа, словно отбивая земные поклоны. Она поднялась лишь после того, как начальник выкупил ее у хозяина. Вера в способность души существовать вне тела проявляется в рассказе о преступнике из Гуйчжоу, которого несколько раз казнили, а он вновь и вновь оживал. Оказывается, он заранее прятал свою душу в сосуд и тем самым избегал гибели.

А.М. Решетов убеждался, что художественные тексты остаются для китайцев важным источником сведений о народном мировосприятии. В Гуйчжоу А.М. Решетову неоднократно указывали места, связанные с именем выдающегося полководца Чжугэ Ляна (181–234), ставшего любимым персонажем романа Ло Гуань-чжуна (1330(?)–1400(?)). А.М. Решетов в 1954 г. с великой радостью приобрел два тома русского перевода «Троецарствия», который положил начало изданию на русском языке классических романов Китая: «Речные заводы» (1955), «Сон в красном тереме» (1958), «Путешествие на Запад» (1959). Об этих романах академик В.П. Васильев (1818–1900) сказал, что они позволяют лучше, чем конфуцианские сочинения, узнать представления и психологию китайцев. В Гуйчжоу сохранились предания о том, как в этих местах Чжугэ Лян вел военные действия. Сопровождающие А.М. Решетова за обеденным столом могли, как это нередко случается, прочесть отрывки из любимого романа, в которых полководец по отношению к местным воинам проявлял великодушие и население охотно подчинялось китайской власти.

А.М. Решетов особенно тщательно знакомился с юго-западной частью провинции Гуйчжоу, которая стала при КНР Гуаньлинским автономным округом народностей буи и мяо. Собранные материалы и результаты полевой работы позволили А.М. Решетову написать обстоятельное и оригинальное исследование: «Буи: историко-этнографический очерк», которое было высоко оценено научной общественностью, и в 1967 г. ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

Из Гуйчжоу путь А.М. Решетова лежал в провинцию Гуанси, где проживает самая многочисленная этническая группа чжуан. В программе пребывания в любом городе А.М. Решетов непременно предусматривал посещение местных музеев и книжных магази-

нов. В городе Наньнине он тщательно познакомился с музеем народности чжуан провинции Гуанси, учрежденным в 1954 г. В нем хранится уникальная коллекция бронзовых барабанов, являющаяся бесценным материалом для изучения древнейшего общества, населения и культуры южных районов Китая. В местных книжных магазинах А.М. Решетов подчас находил весьма интересные и полезные провинциальные издания. Китайцам импонировали такие качества молодого китаиста, как желание постоянно пополнять свои обширные знания истории и этнографии Китая, пытливость и целеустремленность, жизнелюбие и оптимизм. Потому с ним охотно общались и известные ученые, и административные работники. Ему удалось получить у официальных властей разрешение на посещение о. Хайнань, который в то время был закрытой пограничной зоной, но вызывал у ленинградского исследователя большой интерес, поскольку на нем проживала народность ли. Она была представлена двумя группами коренных и ассимилировавшихся ли. Обе группы сохраняли свой язык, относящийся к семье тайских языков, и свои обычаи. Число представителей ли в веках уменьшалось, но после образования КНР оно возрастало и к 1997 г. достигло 1125,5 тыс. чел.

Местный ученый сказал советскому гостю: «Мы с гордостью вспоминаем о том, что для приобщения народности ли к достижениям китайской культуры многое было сделано замечательным поэтом Су Ши (1036–1101)». Поэт в 1097–1100 годах находился в ссылке на острове Хайнань в должности помощника начальника округа Даньчжоу. Су Ши заботился о том, чтобы создать благоприятные условия для жизни народности ли и внедрял в их уклад известные китайцам приемы труда на земле. Память жителей сохранила сведения о местах, связанных с именем Су Ши, и можно было посетить «Зал, куда приносят вино». У поэта установились теплые отношения с местными жителями, и часто встречи проходили в этом Зале, находящемся в сорока километрах на восток от г. Даньсяня.

Принимая гостя из Советского Союза, хозяева вспоминали, что мужчины народности ли помогали поэту в постройке его жилища из кокосовых деревьев, которые в большом количестве произрастают на о. Хайнань. За праздничным столом вызывали заразительный смех юмористические истории из сборника «Дун по чжи линь» («Лес записей Дун-по»), большая часть которых была сочинена поэтом во время жизни на острове. Кто-то из присутствующих наизусть прочитал доброе и ироничное стихотворение Су Ши: «Постарел Дун-по, не уключим стал. // Что ни день — то новый недуг. // Борода жидка, голова бела, — // То не иней, а седина. // Не дивитесь, что щеки мои горят, — // Я румян, но не так как внук; // И когда смеюсь, то грущу, смеясь, // Потому что хлебнул вина!» (пер. И. Голубева). А.М. Решетов радовался вместе с новыми друзьями и лишней раз убеждался в

важной роли в жизни китайцев юмора и смеха. Одним из примеров тому была поэзия и поведение великого Су Ши, который в преклонные годы по злой воле императорского двора оказался «на самом краю Поднебесной», но сохранил верность идеалам и способность шутить и смеяться.

На обратном пути в Пекин А.М. Решетов в г. Ухань посетил построенный в 1953 г. Музей провинции Хубэй, где внимание прежде всего привлекли найденные при раскопках оружие, жертвенные сосуды, утварь, украшения и другие предметы времен царства Чу (1027–223 гг. до н.э.). Недалеко от музея находится трехъярусный павильон, а перед ним стоит на высоком постаменте скульптура первого китайского поэта великого Цюй Юаня (340–278 годы до н.э.), которого китайцы чтят за мощный талант и любовь к родной земле. А.М. Решетов вспоминал, как в читальном зале в Ленинграде перед ним лежали два сборника («Цюй Юань. Стихи», М., 1954 и «Цюй Юань. Стихи», М., 1956). Вторая книга содержала песню «Цюй Юань» крупнейшего писателя XX в. Го Мо-жо (1892–1978), которая была написана в 1942 г. и во время войны с японским фашизмом пробуждала патриотические чувства.

В поэме «Лисао» («Скорбь разлученного»), переведенной Анной Ахматовой, запечатлен трагический конфликт человека высокой духовности с недалевидным князем и его корыстными приближенными, которым были чужды прямота и честность поэта. «Известно: сокол не летает в стае, // Так исстари на свете повелось. // И как квадрат и круг несовместимы, // Так два пути враждуют меж собой. // Я подавляю чувства и стремленья, // И оскорбления не внемлю я, // Чтить чистоту и умереть за правду, — // Так в старину учили мудрецы». Оказавшись свидетелем того, как бездарные правители привели царство Чу к позорному поражению, Цюй Юань бросился в воды реки Мило. Весенний день гибели поэта ежегодно отмечается в стране: устраиваются гонки лодок в форме драконов, а в воду бросают для духа поэта пампушки, завернутые в листья тростника, чтобы их не съел дракон. После поездки по Гуйчжоу А.М. Решетов уже утвердился во мнении, что народные праздники на юге Китая зачастую восходят к обычаям туземных этнических групп. Например, в уезде Тайцзян пров. Гуйчжоу представители народности мяо рассказывали, как весело и шумно проходит на реке Циншуйцзян ежегодный праздник лодок-драконов.

После возвращения в Пекин А.М. Решетов делился впечатлениями о путешествии, а следует заметить, что в те годы редко кому из китайцев удалось побывать, скажем, на острове Хайнань. Затем у него будут и другие поездки по Китаю, но уже первая дала многое для размышлений о самобытности историко-культурной традиции страны. После посещения памятных мест, связанных с именами

литераторов, советский китаевед и этнограф прежде всего утвердился в понимании важности духовного начала и нравственных ценностей для жизнестойкости народа и страны. И еще: при виде отношения китайцев разного общественного положения к своему прошлому, к деятелям культуры, А.М. Решетов с особой остротой воспринял мудрую правоту Пушкина, говорившего: «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим». В значительной мере эти соображения побудили А.М. Решетова к серьезным архивным изысканиям, приводящим к включению в историю отечественной науки имен ученых, преданных забвению в годы репрессий и военной страды.

После поездки по Китаю А.М. Решетов поделился со своими друзьями тем, что ему созвучны слова, заключающие путевой дневник академика Алексева: «Реакция западной души на душу Востока и наоборот создает новую жизнь, новых людей, новую культуру. Я счастлив именно этим синтезом, ибо, повидав Китай, его людей, изучая его великую культуру, перерождаешься заново, вмещаешь в себя, в свою плоть и кровь, еще один мир, еще одну жизнь».

А.А. Москалев

ПУЭНЬКО (ПЕРЕВОД С ЧЖУАНСКОГО)

✿ С тех пор как мне впервые довелось повстречаться с Александром Михайловичем, а было это в Гуанси, в Наньнине, прошло порядком много лет. Знакомство наше произошло, если не ошибаюсь, в 1959 г. Мы вместе в день нашей встречи (а может быть, на следующий день) прошли по наньнинским книжным магазинам, пытаюсь найти что-нибудь имевшее отношение к сфере наших тогдашних научных интересов. Александр Михайлович явился в Гуанси из провинции Гуйчжоу, где так много буй, мяо, яо, гэлао и других малых этносов. Он, такой большой, молодой, белый человек, был преисполнен впечатлений о пребывании в местах, куда не столь часто заглядывали (по крайней мере в период «великого скачка») европейские исследователи. Думается, что представившаяся нам уникальная возможность неспешного ознакомления с бытом, языком и культурой обитателей глубинных районов Китая (я базировался в гуансийском уезде Умин) была действительно подарком судьбы.